

• ИРИНА •

ГЛЕБОВА

ЗАГАДОЧНЫЙ ПЕРСТЕНЬ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Ирина Николаевна Глебова

Загадочный перстень

Серия «Следователь Викентий Петрусенко»

Текст предоставлен изд-вом "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3261315

Ирина Глебова. Загадочный перстень: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-54042-6

Аннотация

Старинный перстень искусной редчайшей огранки не просто удивительное украшение на руке прекрасной женщины, но – изощренное оружие в борьбе за любовь и богатство.

На дворе мятежный 1913 год. Но провинция еще живет спокойно. В Харькове проходит ученый симпозиум врачей-офтальмологов, приехавших со всего света, чтобы поделиться новейшими достижениями в области медицины. И вдруг – убит один из виднейших французских специалистов, Жорж Аржен! А у его супруги похищен перстень дивной красоты... Сможет ли следователь сыскной полиции, обаятельный интеллектуал Викентий Петрусенко разгадать тайну этого преступления?

Содержание

1	6
2	11
3	19
4	25
5	32
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Глебова

Загадочный перстень

Следователь полицейского департамента и потомствен-

ный дворянин Викентий Петрусенко ни в чем не уступает всемирно знаменитым «литературным» сыщикам – Шерлоку Холмсу и Эркюлю Пуаро! Он молод, энергичен, образован. Разговаривает на древних языках, и ни одна тайна не останется тайной, если попадет к нему в дело. Он давно работал бы частным детективом, но служба государству – долг чести. Рискуя жизнью, сходясь с опасными преступниками и вступая с ними в психологический поединок, он никогда не забывает о своей семье – жене и троих детях. Викентий Петрусенко – новый герой увлекательной серии «Интересный детектив»! С ним вы узнаете много удивительного из мира криминалистики конца XIX – начала XX века и поймете, какой разносторонней и притягательной личностью мог быть полицейский сто с лишним лет тому назад!

1

В семь утра прозвенел дверной колокольчик. «Рановато, – подумал Викентий Павлович. – А впрочем...»

Зеркало большой ванной комнаты отразило дрогнувшие в усмешке губы под мягкими светлыми усами. Но лицо тут же вновь застыло неподвижно, потому что на щеках еще белела не убранная бритвой пена. Однако процесс бритья заканчивался. Петрусенко поморщился под обжигающей струей одеколona, быстро причесался.

В прихожей, всей своей фигурой выражая смиренное ожидание, стоял городской Карасик.

– Это ты, дружок? – спросил Петрусенко. – Заступил или окончил дежурство?

– Окончил, господин следователь, – браво ответил тот. – Вот к вам напоследок заскочил с вызовом.

– Ясное дело, с вызовом... Пошли на кухню, нас там завтраком накормят по-быстрому.

– Благодарствую, Викентий Павлович!

Городовой не стал отказываться. Он знал: у следователя Петрусенко в доме принимают просто и искренне. Впрочем, в управлении сыскной полиции подобные отношения – от младших чинов до старших – были нормою. А как же иначе? Они ведь все связаны своей службой, одно дело делают, и никогда не знаешь, кто кого спасет в трудную минуту.

Запеченные в тесте колбаски и чай с блинчиками уже были на столе.

– Что, друг Карасик, небось с убийством ко мне пришел?

– Нет, господин Петрусенко... – Городовой дождался, когда хозяин начал есть, и тоже приступил к еде. – Бог милостив! Всего лишь кража.

– Вот как!

Викентий Павлович слегка удивился. Он был следователем по особо опасным преступлениям. Ему, конечно, приходилось заниматься и довольно простыми делами, в том числе и кражами. Но чтоб не подождать каких-то двух часов, когда он сам придет в управление... Прислать дежурного... Из-за кражи?

Утирая губы салфеткой, Карасик похвалил:

– Вкусно кухарка ваша готовит, Викентий Павлович! Да кража-то у иностранца.

– У какого иностранца, говори подробнее.

– Значит, так... Велено доложить: в гостинице «Гранд-Отель» у жены приезжего француза ночью похищено ценное кольцо. Это все, что известно.

– У француза в «Гранд-Отеле»? – Петрусенко задумался, вспоминая. – Постой-ка... Это, верно, у одного из врачей, приехавших на симпозиум?

– Так точно, – кивнул городовой. – Просили прибыть поскорее. Я пойду, а коляска у ворот вас дожидается, отвезет...

Когда Викентий Павлович, уже одетый, направлялся к вы-

ходу, на площадку второго этажа из своей спальни вышел племянник Митя. Еще в пижаме, непричесанный, но в глазах любопытство.

– Что, дядя, срочный вызов? Можно я с тобой? Соберусь мигом!

– Не надо, – придержал его Петрусенко. – Дальше будет видно, но сначала я сам.

Юноше было девятнадцать. Он окончил первый курс юридической академии, на днях сдал последний экзамен. Викентий Павлович обещал ему летнюю практику: брать ассистентом на некоторые свои дела. Это всегда полезно.

Гостиница «Гранд-Отель» на Екатеринославской улице была совсем новой – всего полгода как открылась. Ее владельцы сознательно отказались от чрезмерной роскоши старых отелей, однако не упустили ничего из того, что входило в понятие «современный комфорт». Потому, видимо, именно сюда поселили почетных гостей города – группу известных хирургов из Европы и Америки. Буквально вчера Викентий Павлович читал в «Губернских новостях», что Харьковское медицинское общество в этом году удостоилось чести проводить подобный симпозиум. Что ж, городу было чем гордиться: именно здесь пять лет назад открыл глазную больницу профессор Гиришман – талантливый глазной хирург, врач с мировым именем. К нему поучиться и приехали коллеги из других государств.

Впрочем, Петрусенко еще третьего дня знал о приезде

иностранных врачей. Работники сыска всегда первыми узнавали городские новости – служба такая. И вот теперь ему доведется с этими людьми общаться – не при самых лучших обстоятельствах.

Коляска подкатила к крыльцу красивого углового здания гостиницы – пятиэтажного, с шатрообразным куполом. Первое, что увидел Петрусенко, – два новеньких автомобиля, стоящие у входа. И сразу вспомнил заметку из «Губернских новостей»: «Кадиллак» и лимузин «Бенц» – последнее приобретение городских властей. Эти два превосходных автомобиля на всю неделю отданы приезжим знаменитым врачам для повседневного пользования...» Поднимаясь к дверям отеля, Викентий Павлович мельком отметил, что оба шофера – на местах. «Отлично, – подумал он. – Может быть, они тоже понадобятся для опроса».

В просторном холле оказалось на удивление тихо. Приглушенный свет, мягкие кресла и диванчики, расставленные вдоль стен и в нишах, словно приглашали отдохнуть и расслабиться. Викентий Павлович оглянулся: мимо бесшумно скользили служащие в форме, не обращая на него внимания, занятые своими делами. Но от стойки уже торопливо шел к нему портье.

– Доброе утро, сударь. Вы из сысчного управления?

– Вот именно!

– Господин генеральный директор просил проводить вас к нему в бюро.

Петрусенко кивнул:

– Значит, господин Леваневский уже на месте?

– Точно так. Прибыл, как только обнаружилась... пропажа. И вам послал сообщение.

Генеральный директор «Гранд-Отеля» откровенно обрадовался, увидев Петрусенко.

– Викентий Павлович, какая удача для нас, что именно вы ведете следствие! Ах, какая неприятная история!

И пока он распространялся о безупречной репутации отеля, просил следователя по возможности закончить дело без шума и огласки, официант ловко сервировал стол для завтрака. Викентий Павлович не отказался от чашечки кофе и пары изысканных бутербродов. За это время господин Леваневский рассказал ему о происшествии.

Жена одного из приехавших на симпозиум врачей, француза мсье Аржена, рано утром обнаружила, что ее шкатулка с драгоценностями открыта и из нее исчез дорогой перстень с изумрудом. Женщина вызвала горничную, та испугалась скандала, позвала портье, а тот быстро послал нарочного к генеральному директору. Француженку пока что удалось успокоить, но уж очень она возмущена.

– Значит, другие гости еще о краже не знают?

– Пока бог миловал! Наши постояльцы рано не встают, только к девяти начнут спускаться в ресторан.

– А что же француженке не спалось?

– Не знаю... О, господин Петрусенко, если вы сумеете уговорить мадам Аржен не распространяться о краже, я буду вам так благодарен!

Викентий Павлович вздохнул:

– Вы же понимаете, господин Леваневский, следственные действия скрыть трудно. Даже не знаю, как все обернется. А для начала поговорим с потерпевшей.

– Конечно! Пойдемте, я провожу вас в ее номер.

Они не стали вызывать лифт, поднялись на второй этаж по широкой, устланной ковром лестнице, постучались. Резковатый, раздраженный женский голос крикнул: «Антре!»

«Истинная парижанка», – сразу подумал Викентий Пав-

лович, увидев хозяйку номера люкс. Мадам Аржен явно еще не было тридцати лет. Невысокая, гибкая, не красавица, темные волосы по-модному коротко подстрижены. Блестящие глаза, пухлые капризные губки и живая мимика придавали ей то очарование, которое ценится мужчинами выше классической красоты. Ее пеньюар из легкого блестящего материала ниспадал складками, а вместо застежки был перехвачен на груди брошью.

– Наконец-то! – воскликнула она. – Ваша полиция не слишком тороплива!

Петрусенко сразу понял, что мадам по-русски, конечно же, не говорит. Он ответил ей так же, по-французски, представился... Успокоил:

– Не волнуйтесь, мадам. Вы, наверное, слышали поговорку о том, что русские долго запрягают, но быстро едут. Считайте, мы уже поехали.

Француженка повела плечами – уже не раздраженно, улыбнулась удивленно и кокетливо. У этого следователя был прекрасный выговор, уверенный вид и веселые искорки в глазах. Она даже подумала: «Интересный мужчина!...»

Викентий Павлович улыбнулся в ответ, предложил женщине сесть, устроился в кресле напротив.

– Мадам Аржен, расскажите все с самого начала. Как вы обнаружили пропажу?

– Я плохо засыпаю, если остаюсь одна. Потому я вчера выпила снотворное. Оно подействовало... не сразу, но, навер-

ное, сильно. Я ничего не слыхала.

– Простите, вашего супруга не было сегодня ночью?

– Ах да! – Она небрежно махнула рукой. – Его и сейчас еще нет, и он ничего не знает! Бедный Жорж, для него это будет удар! Ведь это он подарил мне перстень!

– Мсье Петрусенко! – Леваневский в присутствии француженки тоже говорил по-французски. – Господин Аржен вчера во второй половине дня уехал в гости. Его пригласил в свое имение наш местный врач, господин Степановский.

– Мадам? – Петрусенко удивленно приподнял бровь.

– Ах, ну конечно, меня пригласили вместе с мужем. Только что мне там делать? Эти скучные профессиональные разговоры, деревня! Я отказалась! И право же, гораздо лучше провела время. Вечером поехала по городу: магазины, ателье... Ваш город, мсье Петрусенко, конечно, не Париж, но вполне современный!

– Да-а, – протянул Викентий Павлович. – Харьков не Париж...

Дама не уловила иронического подтекста, да он и не ожидал от нее этого. Повернул разговор в нужное русло.

– Значит, вы крепко спали и ничего подозрительного не слышали?

– Вот именно! Но проснулась рано и почти сразу увидела, что моя шкатулка с драгоценностями открыта. И перстня в ней не было!

– Одного перстня?

– Да, только его! Колье, жемчужное ожерелье, браслет, кольцо и еще один перстень – на месте. А того, с изумрудом, нет. Украден!

– Вы совершенно уверены? Может, перстень где-то в другом месте?

– Нет, нет! – Француженка притопнула каблук. – Я сама, перед тем как лечь спать, сняла его с пальца и положила в шкатулку. Отлично помню!

– И чем же вы объясните такую избирательность вора?

– Ах, да он просто не успел! Я проснулась и спугнула его!

– Вот как? – Петрусенко задумался, потом спросил: – Дверь в ваш номер была заперта или открыта?

Мадам Аржен задумалась.

– Не помню. Я позвонила, пришла горничная, потом господин директор...

– Горничная? – Викентий Павлович взглянул на директора. – Надеюсь, она здесь, в гостинице?

– Конечно. Я ее сейчас вызову.

Он дернул за шнурок электрического звонка – одного из нововведений в оснащении этого современного отеля. Через две минуты в дверь постучали, вошла девушка в форменном платье. Невысокая, хрупкая, молоденькая и миловидная. Пушистые светлые волосы аккуратно убраны под чепец-венчик.

– Варвара, – обратился к ней Леваневский, – господин следователь хочет тебя о чем-то спросить.

Тон у него был официальный, но в нем сквозили теп-

лые, почти ласковые нотки. Девушка подняла на Петрусенко глаза, однако он успел заметить, как прежде она мгновенно оглядела красивое домашнее платье француженки и как дрогнули ее губы. «Женщина всегда женщина, – чуть улыбувшись, подумал Викентий Павлович. – Первым делом всегда замечает наряды».

– Милая девушка... Варя? Можно вас так называть? Хорошо... Когда вы утром вошли к мадам, не помните ли, была дверь в номер открыта? Или заперта на замок?

Горничная ответила сразу:

– Закрыта, господин следователь. Заперта.

Мадам Аржен встревоженно прислушивалась к русской речи и сразу же потребовала:

– Что она говорит? Переведите?

– Девушка утверждает, что дверь была закрыта на замок.

– Ну, уж нет! Я теперь точно вспомнила: дверь была открыта!

– Но, мадам! Я сначала подергала ручку, а когда дверь не открылась, постучала. Вы мне ее открыли, и я слышала, как щелкнул замок.

Петрусенко удивленно глядел на легко говорившую по-французски девушку: ее голос звучал мягко, но уверенно. А директор довольно покивал:

– Да, Викентий Павлович, наши служащие владеют французским. А как же! У нас здесь часто иностранцы останавливаются.

Мадам в раздражении махнула рукой:

– Нет, я теперь точно вспомнила! Дверь сначала была открыта. Я, наверное, сама ее потом закрыла. Увидела, что перстень украли, испугалась, подошла к двери и закрыла.

– Значит, сразу предположили, что дверь может быть открытой?

– Ну, наверное... Я была так растеряна...

В этот момент шумно распахнулась дверь, в прихожей прозвучали уверенные шаги, и в комнату вошел высокий мужчина. Он молча удивленно оглядел присутствующих, а мадам, вскрикнув, бросилась к нему.

– О, дорогой! Какое ужасное происшествие! Меня ограбили! Украли перстень – твой подарок!

– Да, мсье Аржен, это так, как ни прискорбно! – Директор быстро подошел, здороваясь, пожал французу руку. – Однако следствие будет вести наш лучший специалист по раскрытию преступлений. Позвольте представить: следователь сыскового управления господин Петрусенко.

Хозяин номера молча кивнул Викентию Павловичу. Интересный мужчина, худощавый, лет сорока, с густыми темными волосами, аккуратной бородкой и усами, в которых, как и на висках, пробивалась седина. Выражение его лица было не столько удивленным, сколько мрачно-раздраженным.

– Позвольте задать вашей жене еще один вопрос, и мы оставим вас... на некоторое время.

Он опять молча кивнул, а Петрусенко добавил:

– Впрочем, это вопрос вам обоим. Опишите похищенный перстень. Как он выглядел?

Мадам, опережая мужа, тут же затараторила:

– Очень дорогой и очень красивый! Золотой, а камень – изумруд чистой воды, такой... холодновато-зеленый, размером вот, как этот ноготь. – Она показала свой длинный перламутровый ноготь на большом пальце. – А вокруг, в ажурных золотых листиках, обрамление из мелких бриллиантов.

– Как огранен изумруд? – спросил следователь.

Мадам пожала плечами:

– Такие крупные срезы, в которых очень красиво переливается свет...

– Огранка – «Роза Антверпена», – коротко и спокойно вставил мсье Аржен. У него оказался приятный уверенный баритон.

Петрусенко кивнул:

– Значит, двенадцать граней.

– Да.

– А вы, Варя, – Петрусенко повернулся к горничной, – когда шли на вызов, не заметили ничего необычного? В коридорах или в номере? Может быть, кого-то встретили?

Девушка помолчала, видимо припоминая, потом покачала головой:

– Нет, ничего такого... необычного. И в коридорах было пусто. Раннее ведь утро.

Через пять минут следователь, директор и горничная по-

кинули номер, оставив мадам Аржен рассказывать супругу подробности волнующего происшествия. Петрусенко пообещал им еще сегодня предпринять быстрые действия к розыску. И просил по возможности не говорить никому из коллег-врачей о краже.

– Это в интересах следствия, – объяснил он.

Мсье Аржен уверенно остановил негодующий возглас жены и заверил, что так и будет.

День оказался очень напряженным. У Викентия Павловича было два текущих дела в производстве, но одно он поручил своему помощнику, другое на время отложил. Еще не покидая «Гранд-Отеля», он ознакомился со списком служащих. Гостиница эта открылась недавно, но ее генеральный директор был опытным специалистом. Петрусенко знал Леваневского еще в бытность того главным администратором старого «Метрополя». Придя в «Гранд-Отель», Леваневский сам подбирал штат из людей, хорошо ему известных, с безупречной репутацией. Например, горничная Варя, которую Викентий Павлович видел, оказалась племянницей портье, а тот много лет прослужил вместе с Леваневским в «Метрополе». Так же обстояли дела и с поварами, официантами, лифтерами, дежурными на этажах. Леваневский, дававший пояснение следователю, уверенно сказал:

– Я совершенно убежден: ни один работник моего отеля не может быть замешан в краже. Есть у нас еще истопники, мусорщики, но уж они никак не пересекаются с жильцами.

– Их можно сразу исключить, – согласился Викентий Павлович. – Человек, совершивший кражу, явно знал, что мсье Аржена ночью не будет в номере.

– А мадам?

– Одна мадам его, видимо, не пугала. Возможно, он пред-

полагал, что в случае чего легко справится с женщиной.

Петрусенко сменил тему, не стал говорить директору о некоторых своих сомнениях. Например, почему вор не ударил женщину, когда она стала просыпаться, а предпочел скрыться с одним перстнем? Может быть, он неопытен, боязлив? Может быть, она могла узнать его? И тогда пришлось бы ее убить? А он этого не умел или не хотел...

Да, вопросов было много.

И все же, кто знал об отъезде мсье Аржена? Наверняка кое-кто из коллег слышал о приглашении русского врача. Это неприятно, но придется об этом побеседовать с иностранцами. Позже, вечером, когда они вернутся после очередного совещания в клинике профессора Гиршмана.

Петрусенко поинтересовался, каким транспортом уехал вчера вечером француз. Может быть, он воспользовался одним из автомобилей? Но нет. Сам мсье Аржен и рассказал ему, как все происходило. Сразу после завтрака он по просьбе Леваневского зашел в бюро директора. Там Викентий Павлович и поговорил с ним.

— Мы с доктором Степановским знали друг друга по публикациям в научных медицинских журналах. Полтора года были в переписке. И вот встретились. У него здесь под городом имение, в очень живописном месте. Он пригласил меня провести там вечер и сам заехал за мной.

Француз сидел напротив, с виду спокойный, но пальцы его левой руки произвольно выбивали дробь по столешнице.

«Все-таки он расстроен, – подумал Петрусенко. Он невольно обратил внимание на слегка деформированные два пальца – средний и указательный – в мелких белых шрамиках. – А ведь он хирург, и, судя по всему, хороший, именитый. Мужественный, видно, человек. Да и рука, слава богу, левая, а не правая...»

Швейцар, кстати, тоже хорошо запомнил отъезд француза в новенькой двуколке. Запомнил он и другое: оба автомобиля уехали еще до появления двуколки – увезли гостей кататься по городу. «Что ж, – прикинул Викентий Павлович, – значит, оба шофера не знали об отъезде Аржена. Скорее, всего не знали...»

Неожиданно обнаружился новый штришок в деле. Когда Викентий Павлович уже собирался покинуть гостиницу и прощался с портье, к ним подошла горничная Варя.

– Господин следователь! Я... понимаете, я не все вам рассказала там, в номере у мадам.

– Варвара! – гневно вскрикнул портье.

– Ах, дядя! – Она умоляюще сложила ладошки у груди. – Что ты так сразу сердишься! Я не могла это сказать сразу там, при мсье! Сначала не успела, а потом он пришел.

– Я вас слушаю, Варенька, – успокоил ее следователь. – В чем дело?

– Когда вы позвали меня, – стала рассказывать девушка, – мадам Аржен была в домашнем платье и чепце. Но я ведь к ней приходила до этого, сразу, как она обнаружила... пропа-

жу. И тогда она была одета по-другому.

– По-другому?

– Ну да! На ней был костюм для прогулок: очень красивый, в рубчик, длинная прямая юбка и жакет, по фасону вроде мужского пиджака... Очень модный, я такой видела только на одной англичанке.

Петрусенко с портье переглянулись, и оба не смогли сдержать улыбок. Девушка описывала наряд француженки так увлеченно! Викентий Павлович подумал мимолетно: «Она совсем юная! И такая славная!» Но эта мысль не увела его от главного.

– Значит, Варенька, получается что? Мадам была одета так, словно только что вернулась в свой номер? А потом, чтобы скрыть это, переоделась в домашнее платье?..

– Вот! Не могла же я это рассказать при ее муже.

– Ты умница! – Петрусенко улыбнулся девушке. – Все правильно сделала. А дверь?

– Дверь была закрыта на замок! Мадам мне на стук открыла.

– Да, да! – Викентий Павлович энергично кивнул. Теперь ему картина была совершенно ясна. Француженка, пользуясь отъездом мужа, в номере не ночевала. Вернувшись утром, обнаружила открытой дверь, сразу же бросилась смотреть драгоценности, увидела, что нет перстня, позвонила и, испуганная, закрыла дверь до прихода горничной.

Итак, вор орудовал в пустом номере. Почему же тогда,

черт возьми, он взял только перстень? Да, эта вещь была самой дорогостоящей, но и остальные драгоценности хороши...

– А? Что?

Девушка покраснела, запнулась:

– Я еще хотела сказать... Заметила...

– Прости, я задумался. Слушаю тебя.

– Я заметила, – сказала Варя, – что мадам, хоть и была в костюме, но – без шляпки.

– Совсем?

– Да. Если бы она ее уже сняла, та бы лежала где-то на виду. Но ее просто не было.

Вновь следователь и портье переглянулись. Оба отлично поняли, что это означало: женщина не ночевала в своем номере, но она не выходила из гостиницы.

– Спасибо тебе, милая, – искренне поблагодарил девушку Викентий Павлович. – Только прошу тебя и твоего дядю об этом нашем разговоре никому не говорить.

По пути в полицейское управление он думал о том, какая умная эта девушка Варя. Сколько подметить успела. Впрочем, женщина! В связи с этим он припомнил, что и сам кое-то заметил. Когда мсье Аржен вошел в свой номер и увидел Леваневского, горничную и его самого, он, конечно, встревожился. Это ясно читалось на лице француза. Но в тот момент Петрусенко уловил и нечто другое: мсье Аржен как будто не очень удивился. Словно чего-то подобного ожидал. Но

чего же он мог ожидать? Авантюрных выходов своей жены? Все может быть...

Уже к полудню несколько сотрудников сыска пошли по ювелирным магазинам, ломбардам и скупкам с описанием украденного перстня. Две бригады готовились к облавам на притоны скупщиков краденого. Возможно, рассуждал Петрусенко, вор решит сбыть перстень сразу, надеясь опередить полицию. Тогда такая тактика могла оказаться действенной. Но уже часам к пяти стало ясно: он ошибался.

– Что ж, – пожал плечами Викентий Павлович, принимая рапорт последнего вернувшегося агента. – Значит, он будет выжидать. По крайней мере, ювелиры предупреждены. Мне же придется опять вернуться в гостиницу, начинать надо отсюда.

Генеральный директор весь день никуда не отлучался из «Гранд-Отеля».

– Вот я и снова здесь! – наигранно весело проговорил Петрусенко, распахивая дверь в его бюро.

– Я вас ждал, – с кроткой надеждой сказал Леваневский.

– Пока ничего нового, – ответил прямо Викентий Павлович на немой вопрос в его взгляде. – Давайте мы с вами сейчас посмотрим список ваших иностранных гостей – медицинских светил. Сколько их человек и кто есть кто.

Приехавшие на симпозиум врачи занимали лучшие номера второго и третьего этажей. Врачей было десять. Три француза: два практика из парижского госпиталя и профессор из Тулузы, руководивший научной работой медицинского центра при университете. Доктор Хэмперлинг из лондонского госпиталя Святой Марии; австриец профессор Хлодвиг; молодой, но уже хорошо известный врач из Стокгольма Ивар Эрикссон; американец Питер Квинслей – ведущий специалист Нью-Йоркского офтальмологического госпиталя, и его ассистент Саймон Картер, австралиец Рональд Бергер из Мельбурна и бразильский хирург Диего Перейру. Помимо мсье Аржена, с женами приехали также Бергер и профессор Хлодвиг.

Просматривая список, Викентий Павлович сразу же при-

кинул, кто мог бы заинтересовать мадам Аржен и завязать с ней интрижку? Ведь навещала же она кого-то в эту ночь! Вероятнее всего, это кто-то из членов делегации: возможности познакомиться с посторонним у нее было немного. А среди коллег ее мужа – семеро мужчин от двадцати семи до сорока восьми лет. Особенно подозрительны в этом плане самый юный, американец Саймон Картер, тридцатидвухлетний Эрикссон и, конечно же, француз Анри Деплесси – тоже парижанин, которого мадам, вероятно, знала и раньше. Впрочем, так ли это важно, с кем легкомысленная французка провела ночь? К ограблению это может не иметь никакого отношения. Хотя... Ведь этот мужчина точно знал, что номер Арженов пуст...

Леваневский первым обратил внимание на шум в коридоре. Уж ему-то точно было известно, что такое нарушение порядка может быть вызвано только особыми обстоятельствами.

– Что это?

Петрусенко поднял голову, удивленный испуганным голосом директора. Ну, шумят люди немного по какому-то поводу... Однако Леваневский уже шел к двери.

– Ох, Викентий Павлович, чует мое сердце – что-то случилось! Одна беда не ходит!

Петрусенко тоже уловил в общем гаме истеричные выкрики. Быстро встал:

– Пойдемте вниз!

В холле гостиницы, ярко освещенном, несколько человек сустились около одного из диванов. Две горничные стояли на коленях, еще одна, испуганно прижав ладони к губам, жалась в углу, пробегали мимо служащие. В распахнутые двери ресторана видно было, что сидящие там люди оглядываются встревоженно. А несколько постояльцев уже вышли в холл.

На диване лежала девушка в платье горничной. Ее голову поддерживал пожилой портье. Он оглянулся на быстро подходящих следователя и директора – губы его дрожали, по щекам катились слезы.

– Господи, боже мой, – проговорил он растерянно. – За что девочке такие испытания! Снова то же самое! Как она переживает?

Петрусенко уже увидел, что на диване без сознания лежит Варя. Чепца на девушке не было, волосы растрепались, на щеке – ссадина и царапины, рукав платья оторван.

– Что случилось? – воскликнул Леваневский и схватился за сердце.

Горничные и служащие окружили его.

– На Вареньку напали!

– Во дворе, где подсобки!

– Бандит какой-то. Душил ее, тянул к сараям!

– А шофер спас, такой молодчина!

– А бандита Кузьмич и Петро держат!

Викентий Павлович первым сориентировался в этом многоголосом рассказе. Он быстро выхватил взглядом человека

в форменной тужурке шофера, стоявшего рядом с диваном, подошел к нему, протянул руку:

– Следователь Петрусенко из сыскной полиции.

Мужчина был приблизительно его ровесник – около сорока лет, приятное, несколько суровое лицо, заметная седина в густых волосах. Его рукопожатие оказалось крепким и коротким.

– Коринцев, Александр Игнатьевич. Шофер муниципального управления. Прикомандирован к иностранной делегации.

– Где тот, кто напал на девушку?

– В хозяйственном дворе, связан. С ним двое работников, охраняют.

– Хорошо. Я сейчас распоряжусь насчет него, а потом мы с вами побеседуем.

Коринцев кивнул и вновь посмотрел на девушку.

– Что с Варей? Она не слишком пострадала?

– А? – Мужчина перевел взгляд на Петрусенко. – Ее зовут Варя? Не знал. – Уголки его твердых, четкого рисунка губ дрогнули. – Нет, только сильно испугалась. Мерзавец ничего не успел сделать.

Через десять минут приехала полицейская карета. К этому времени Петрусенко уже повидал задержанного. Молодой парень, явно криминальный тип: серая нездоровая кожа, мутные глаза, толстые губы, редкие жирные пряди нестриженных волос, закрывающие лоб. Он был крепок фигурой,

но двое мужчин – грузчик и помощник повара, державшие его, – выглядели еще мощнее. Петрусенко думал, что, может быть, узнает нападавшего. Но тот ему оказался незнаком: наверное, мелкая сошка в бандитском мире.

– Ты кто? Имя, фамилия? – спросил следователь парня.

Но тот лишь постанывал с подвыванием.

– Ладно, – махнул рукой Викентий Павлович и сказал уже ожидавшим городовым: – Везите в управление, там разберемся.

И поспешил наверх, в бюро Леваневского. Варю к этому времени тоже уже увезли к врачу, с ней поехал ее дядя и одна из горничных. Директор встретил следователя тяжелым вздохом.

– Какой несчастный день для гостиницы! Такое роковое совпадение двух печальных событий. И одно-то – редкость, из ряда вон! А тут – сразу два!

– Вы правы, странное совпадение, – протянул Петрусенко. Леваневский сразу уловил его мысль:

– Как? Вы думаете?.. Но как эти два события могут быть связаны между собой?

– Вот и я думаю... Девушка первой узнала о краже в номере Арженов. Она кое-что заметила.

– Заметила? Я не знал!

– Да, этот разговор произошел не при вас. Варя обратила внимание на некоторые манипуляции мадам с одеждой. Похоже, что мадам Аржен сегодня не ночевала у себя в номере.

Леваневский минуту молчал, пораженный. Потом покачал головой:

– Но все же... Не думаете вы, что мадам Аржен?..

– Нет, – Петрусенко засмеялся. – Конечно, нет! Мадам знать не знала, что Варя догадалась. И главное – абсурдно искать связь между приехавшей на днях парижанкой и этим бандитом.

– Ну вот! – Леваневский вздохнул облегченно, но следователь тут же прервал его:

– Но! – Викентий Павлович поднял палец, как бы фиксируя мысль. – Все-таки такие совпадения странны. Впрочем: *Veritas – temporis filio*. Истина – дочь времени! Однако времени у нас не так уж много.

– Да, господин Петрусенко, я все время об этом думаю! Гости наши здесь будут еще только пять дней. Неужели уедут, а кража останется нераскрытой?

– Я тоже об этом помню... Пойдемте, господин директор, вниз, к нашим иностранным гостям. Я так понимаю: ужин заканчивается, а они не расходятся, ждут наших разъяснений.

– Вы будете говорить только о нападении на горничную? Впрочем... – Леваневский обреченно махнул рукой. – Теперь уж все равно, коль такой скандал! И о краже, видно, слухов не избежать.

Викентий Павлович согласился:

– Да, надо говорить и о краже. Пойдемте.

Они спустились в холл. Там и в самом деле было шумно. Кто-то еще оставался за столиками в ресторане, но многие уже оккупировали диваны и кресла холла, стояли группами, оживленно разговаривая. Несколько человек тут же устремились навстречу Петрусенко и Леваневскому.

– Господин директор, что случилось?

– Да, расскажите подробно!

– Что с девушкой? Она жива?

Директор и следователь прошли к диванам, где расположились в основном дамы. Мужчины подтянулись к ним. Викентий Павлович только собрался заговорить. Но не успел.

Крик, раздавшийся откуда-то с верхних этажей, был так пронзителен и резок, что шум мгновенно стих. В холле и без того царило нервное возбуждение, а тут!.. В наступившей тишине, не выдержав, вскрикнула одна из дам. И тут же еще один, исполненный жутю и истерикой вопль донесся от центральной лестницы. На ее верхнем пролете показалась женская фигура. Это была мадам Аржен. Она бежала вниз, одной рукой приподнимая длинную юбку, вторую протягивая к ним, стоящим внизу. Бежала и кричала:

– Он мертв! Там, в комнате! Моего мужа убили!

Жорж Аржен лежал во второй спальне на кровати. Однако он был одет – так, как одеваются, чтобы выйти к ужину. Ноги его бессильно свисали вниз, одна туфля касалась ковра. Лица не было видно – он упал на кровать ничком, скрюченные пальцы вцепились в покрывало. Шею перетягивал неширокий кожаный ремень.

Все девять медиков – коллег Аржена – хотели пойти со следователем сюда, в номер. Но он попросил лишь двоих. Посоветовавшись, с ним отправились профессор Хлодвиг и мсье Деплесси. Хлодвиг слыл хирургом широкого профиля, а не только офтальмологом, парижанин же Деплесси хорошо знал Аржена. Остальные врачи остались внизу успокаивать дам и приводить в чувство мадам Аржен.

Француженка кричала, что ее муж мертв. И, судя по внешнему виду, так оно и было. Однако врачи первым делом проверили пульс. Он не прощупывался.

– Надо его перевернуть, – сказал Хлодвиг.

Петрусенко, Деплесси и Леваневский осторожно повернули безвольно обмякшее тело на спину. Директор, не удержавшись, тихонько вскрикнул и быстро отошел в сторону: перекошенное, синее лицо удушенного было ужасным. Надежды на то, что жизнь в нем еще теплилась, не оставалось. И все же профессор, быстро расстегнув жилет и рубаху, при-

ник ухом к груди Аржена. Потом посмотрел зрачки и наконец покачал головой:

– Мертв.

Говорили они по-французски: этот язык знали все иностранные гости.

– Как давно? – спросил Петрусенко.

– Совсем недавно, от пятнадцати минут до получаса, не больше. Тело еще теплое, конечности расслабленные, податливые...

Викентий Павлович сразу же заметил беспорядок в номере – следы борьбы. Правда, их было немного: опрокинутый стул, сбитая с мраморного столика, но не разбившаяся на ковре хрустальная ваза. Теперь он увидел порванную на груди убитого рубашку. И еще: когда профессор расстегивал жилет, что-то звякнуло.

– Минуточку...

От брюк к жилетному карману тянулась цепочка. Петрусенко нагнулся, осторожно просунул пальцы в прорезь кармана. Да, так он сразу и подумал: стекло часов было разбито.

Викентий Павлович осторожно извлек свою находку из жилета, отстегнул цепочку. Часы были дорогие, швейцарские, из тех, что недавно вошли в моду – без крышки. Оттого стекло и разбилось: то ли когда Аржен пытался освободиться от убийцы, то ли когда уже упал без сил и ударился боком о железный угол кровати. Стрелки остановились на 20 часах 24 минутах. Петрусенко достал свои часы, щелкнул

откидной крышкой.

– Да, – сказал, показывая то и другое своим спутникам. – Видимо, это случилось двадцать минут назад.

– Это очень похоже на истину, – согласился Хлодвиг.

– Я понял! – вдруг неожиданно вскрикнул Леваневский. – Я все понял! Его убил этот бандит! Убил, а потом с еще не остывшей жадной крови по черной лестнице вышел во двор и напал на подвернувшуюся ему горничную! Он, скорее всего, маньяк!

– Это была бы неплохая версия, – мягко сказал Викентий Павлович. – Но...

Француз Деплесси, помогавший Хлодвигу осматривать убитого, повернул голову и понимающе прищелкнул пальцами:

– Верно, господин следователь. По времени не сходится!

– Да, дорогой господин директор. Похоже, что в то время, когда происходило в этом номере убийство, бандита уже держали за руки двое ваших служащих, – если не ошибаюсь, грузчик и повар. Так что у него есть алиби.

Деплесси отошел от кровати, с несколько брезгливой grimасой держа руки на весу. И добавил, словно продолжая мысль Петрусенко:

– К счастью, такое же алиби есть у нас всех, кто в это время был в ресторане и наблюдал происшествие с крошкой-горничной.

– Верно замечено, мсье Деплесси! Поздравляю, вы опере-

дили мои слова. А что насчет убийства?

– Одну минутку, мы с профессором вымоем руки и поступим в ваше распоряжение.

Врачи удалились в ванную комнату. Леваневский пошел вызывать полицию – в который уже раз за этот невероятно долгий несчастный день! Викентий Павлович на несколько минут остался наедине с мертвым Арженом. Подошел ближе к постели. Он не глядел в лицо убитому – много видел он страшных смертей, не привык, но умел сдерживать эмоции. Сейчас его интересовало другое. Быстро и профессионально следователь стал осматривать одежду убитого. Когда ладонь шла вдоль пиджака, в районе поясницы пальцы наткнулись на что-то. Сначала показалось: какая-то вещь лежит в кармане. Но нет, карман ниже. Чуть приподняв и повернув тело, Викентий Павлович нащупал на покрывале твердый прохладный предмет. Еще не видя его, понял, что держит в пальцах кольцо с камнем. Или перстень.

Из ванной раздавались громкие голоса врачей. Сейчас они выйдут. Петрусенко быстро вытащил свою находку. У него на ладони блеснул, отражая свет электрических ламп, прекрасный женский перстень. Золотой, с крупным зеленым изумрудом в двенадцать граней, с обрамлением из мелких бриллиантов... В тот же миг он услышал, как распахнулась дверь ванной комнаты, и, не раздумывая ни секунды, быстро положил перстень себе в карман.

Всем известно, что в летнюю пору дни самые длинные в году. Но этот день казался Викентию Павловичу совершенно нескончаемым. Заботы о мертвом теле он оставил директору. Тот, конечно, был совершенно подавлен происшедшим, но уже отдавал нужные распоряжения. Петрусенко же спустился вниз, решив поговорить с шофером. Если и раньше, сомневаясь в подобном совпадении, он связывал кражу и нападение на девушку, то теперь все сомнения исчезли. Убийство стало узелком. Кража перстня и гибель Аржена друг от друга неотделимы. Вот оно, тому доказательство – у него в кармане. Нападение на молоденькую горничную, как будто, из другого ряда. Но не для него, Петрусенко! Есть эта связь, есть! Просто она не на виду...

В вестибюле возбужденный народ не расходился. Иностранцы столпились вокруг кресла, где сидела мадам Аржен. Они уже знали подробности от спустившихся ранее Хлодвиг и Деппесси.

– Господа, – обратился еще с лестницы сразу ко всем Петрусенко. – Произошла трагедия, насильственная смерть одного из гостей отеля. Но я представитель сыскного управления, и расследование уже начато. Сейчас сюда придут полицейские, на всех этажах установим посты – для вашей безопасности, вплоть до прояснения дела.

Петрусенко понимал, что часть перепуганных жильцов тут же покинет «Гранд-Отель», но его это не волновало. Он подошел к иностранцам и повторил уже для них, по-французски:

– Вам, господа, гарантирую безопасность, в отеле сейчас будут установлены полицейские круглосуточные посты. Надеюсь, вы понимаете, что переезжать вам отсюда нельзя.

– Вы предполагаете, кто-то из нас причастен к смерти нашего коллеги?

Это спросил высокий красивый блондин Эрикссон. Викентий Павлович несколько секунд глядел в его спокойные светлые глаза – до тех пор, пока швед первым моргнул. Чуть шевельнув бровями, ответил:

– Это не я сказал, а вы. Но это так, предполагаю. – И вскинул ладонь, предупреждая возгласы. – Всего лишь предполагаю. В этом нет ничего обидного. И вы поможете следствию, если будете спокойны и откровенны во всем... Мадам! – Он повернулся к женщине, еще бледной, но уже явно оправившейся от первого потрясения. – Вам не нужно возвращаться в ту злополучную комнату. Сейчас спустится директор, он предоставит вам другой номер, вещи вам перенесут.

– Да, Клоди, милочка, – сказала пожилая супруга доктора Бергера. – Пока все уладится, пойдем к нам, тебе нельзя оставаться одной!

Холл быстро пустел. Петрусенко направился к угловому креслу под пальмой, где все это время сидел шофер Корин-

цев.

– Расскажите мне, Александр Игнатьевич, как все произошло. И покажите где!

Муниципалитет, откомандировавший шоферов в обслуживание к иностранным врачам, оплатил их питание в ресторане отеля... Александр Коринцев ужинал, сидя у самого первого от двери столика. Есть он в этот раз не хотел, потому лишь выпил чашечку кофе и съел бутерброд. В раскрытую дверь он увидел горничную Варю, которая шла через холл с большой бельевой корзиной. Он видел, что девушка направляется к боковому выходу во двор, и понял, что там, видимо, расположены хозяйственные пристройки, прачечная.

– Знаете, господин следователь, эта девушка мне очень нравилась. Когда я в первый день, утром, приехал сюда, зашел в пустой холл, то немного растерялся – к кому обратиться. А она это поняла, сама подошла, спросила: не шофер ли я для иностранцев? Отвела к директору. И потом всегда улыбалась, приветливо здоровалась... Милая, совсем еще девочка, доброе существо! Я подумал: тащит такую тяжелую корзину с грязным бельем, обратно небось понесет чистое. А у меня полчаса как минимум работы не будет: все мои клиенты только начали ужин.

Коринцев вышел в хозяйственный двор почти сразу за девушкой, но уже никого не увидел. Двор был невелик, образован длинной одноэтажной прачечной, мастерской и каретным сараем. Ворота, выходившие на улицу, закрыты, из рас-

пахнутых окон кухни доносился шум, в самом дворе – пусто. Шофер пожал плечами – какая быстроногая девчонка! Задумался: уйти или подождать ее? И вот тут вдруг увидел за выступом пристроенного к зданию продуктового склада краешек корзины, как будто лежащей на боку, и что-то белющее... выпавшее белье. Это показалось ему так странно, что он сразу рванулся туда. И увидел того бандита, прижавшего девушку к стене и душившего ее. Она уже потеряла сознание...

Ну а дальше было ясно и без слов. Петрусенко видел бандита – коренастого, жилистого, не столько сильного, сколько цепкого и напористого. А Коринцев – вот он: ладно и мощно скроен, высок, развернутые плечи и широкая грудь. Сразу видно – силен и решителен. Он мгновенно скрутил бандита, громко позвал на помощь. Из кухни выскочили двое, здоровые мужчины. С ними он оставил бандита, а Варю, легонькую и безжизненную, схватил на руки и бегом понес в отель... Сейчас уже оба, и сыщик и шофер, знали, что девушка в больнице пришла в себя, но плохо помнит происшедшее. Она просто не успела ничего понять: на нее кто-то набросился, почти сразу же потянул за угол... Дальше она ничего не помнит.

Нет, никак не мог Викентий Павлович завершить этот день, не сделав еще одного дела. В полицейском управлении в такой час находились только дежурные. Петрусенко попросил привести к нему бандита, напавшего на горнич-

ную. Можно было послать за писарем, но он решил никого не тревожить. «Допрошу так, без записи, – решил. – А завтра все запротоколирую».

Вообще-то Петрусенко знал в лицо многих серьезных бандитов города, тех, кто легко шел на убийства и разбойные нападения. Но этого типа видел впервые. То ли приезжий, то ли раньше не грешил серьезными преступлениями. А может, он вообще и не собирался убивать Варю? Совсем другого хотел?..

Но бандит сразу развеял все сомнения следователя. Сильно напуганный, с прилипшим ко лбу редким чубом, совершенно посеревший от страха, он сразу же стал рассказывать все подробно. Да, он собирался убить девушку. Нет, раньше он ее не знал, ему о ней рассказали. Кто рассказал? Тот, кто заплатил ему деньги вперед и обещал втрое больше после убийства молоденькой горничной.

Петрусенко был настолько поражен, что вскочил и резко прошелся по кабинету, не обращая внимания на испуганно съежившегося преступника.

– Как это понять? Тебе что – приказали убить девушку?

– Да, да! Вы точно сказали: приказали... Деньги большие, не удержался... Раньше никогда, упаси бог...

– Постой! – Викентий Павлович нетерпеливо махнул рукой, почти упал на свой стул. – Потом будешь причитать. И если расскажешь всю правду и подробно – смягчишь свою участь. Девушка ведь, в конце концов, жива...

– Да я, господин следовательно, как на духу! Вот ей-богу! Позавчера это было, тот господин мне сказал: «Дело совсем простое, девчонку придушишь, а можешь и насильничать, но потом чтобы точно порешил. Хорошо заплачу...»

– Да постой ты, затараторил! Давай с самого начала.

История и в самом деле оказалась удивительной. Софрон Кисляк месяц как освободился после второй отсидки – за мелкую кражу. Банда, в которую он входил до ареста, распалась, и он мыкался пока один, перебивался, как мог. А мог только воровать да жульничать. Присматривался, к кому примкнуть, и к нему присматривались.

Два дня назад, вечером, он сидел в трактире «Пара сапог» в одном из переулков Старо-Московской улицы. Веселое заведение, куда посторонний даже случайно не зайдет. Нет, конечно, не только своя рисковая братва там гуляет, бывают и приличные господа – заглядывают ненадолго по делу. Этот господин зашел спокойно, явно знал – куда, хотя самого его видели тут впервые. Присел, заказал чего-то, огляделся... Софрон скучал за соседним столиком. Скоро почувствовал на себе внимательный взгляд. Поглядел в ответ нагло, а франтоватый господин только усмехнулся и кивнул: мол, поди сюда. Тут Софрон сразу почувствовал, что имеет дело с человеком не робким, серьезным. Присел к его столу. Так и сговорились.

– Опиши подробно этого господина, – нетерпеливо попросил Петрусенко.

– Годов он навроде наших с вами, господин следовательно!
Но мы – люди, делами озабоченные...

– Да, особенно я: вылавливаю вашего брата.

– Точно так-с... – подобострастно заулыбался Софрон. – Ну а этот господин от своих лет выглядит помоложе. И такой... холеный. Не слишком обремененный жизнью, видать.

– Значит, хорошо выглядит? Как человек при деньгах и положении?

– Я скажу так: он, конечно, гнал картину – оделся вроде спортсмена. Кепка кожаная с отворотами, брюки клетчатые заправил в сапоги, такие коротенькие... Но я сразу второпал – лепит темнуху! Барин, он и есть барин, хоть рванье натяни. Что разговор, что взгляд, что манера...

– Значит, не вашего поля ягода?

– Не-а, – помотал головой Софрон, но тут же назидательно поднял палец: – Однако с нашим братом обращаться умеет. Видать, приходилось раньше.

– Назвался он?

– Нет, даже выдумывать не стал. Просто не назвался.

– А теперь давай-ка подробнее внешность опиши, – поторопил арестанта Петрусенко.

Оказалось, что заказчик Вариного убийства был высок, худощав, волосы густые, темные, с проседью. Носит усы и бороду.

«Ну, их-то сбрить недолго. Или прицепить», – подумал мимоходом Викентий Павлович. В основном он остался до-

волен: для начала что-то есть.

Господин легко убедил Кисляка, что дело будет не хлопотное. Тот поначалу, услышав, что речь идет об убийстве, отказался: этим он не занимается, никогда не пробовал. На что барин спокойно разъяснил: придушить-то надо девчонку – замухрышку, тоненькую, беспомощную. Не успеешь пальцы на ее горлышке-стебельке сжать, как она и готова! А деньги вот они: сразу, просто так крупную сумму дает, а потом – еще втрое...

Кисляк проедал последние копейки, а тут – такой барыш! Он подумал, встал решительно.

– Показывайте, кто и где. Погляжу и решу, – пообещал.

«Барин» привел его к «Гранд-Отелю», но не к парадному входу, а к задворкам. Широкие ворота, ведущие из боковой улицы в хозяйственный двор, были закрыты, но калитка в них – нет. Они проскользнули во двор, и незнакомец Кисляку показал и дверь, через которую выходит девушка в прачечную, и саму прачечную. Хотя уже густели сумерки, Софрон все хорошо разглядел.

– Девчонка пробегает здесь несколько раз в день, но не в такое время, а засветло, когда прачечная работает. Да ты не бойся, здесь и днем никого не бывает. Мастерские сейчас пустуют, каретный сарай тоже. Как ты справишься – не мое дело. Главное, убей девчонку, и деньги твои. Сразу же, на другое утро, тебя найду в трактире.

Он, Софрон, не баклан какой-то, понимал, что этот ферт

может и арапом оказаться.

– Сделаю ему дело, а он больше и не появится! Да, может и такое быть. Но и он рискует: денег мне дал хороший куш, а возьму с ними и слиняю!

– Он, Софрон, тоже, видно, не баклан. Обещанная тройная доза тебе бы спать не дала!

– Это точно, – вздохнул арестант.

– Когда же он тебе девушку показал? – спросил Петрусенко.

– А он и не показывал. Сказал: ты ее ни с кем не спутаешь, в гостинице другой такой нет. Молоденькая, лет семнадцать, очень хорошенькая, волосы светлые, пушистые, коса вокруг головы венчиком, а сверху шапочка форменная. В форме и переднике.

– И что, сразу узнал?

– Как и было сказано. Я на следующий день с утра до вечера у того двора караулил, видел ее. Разов пять пробежала туда и обратно. Но не всегда одна.

– Значит, присмотрелся, прикинул, когда сподручнее напасть?

– Верно... – бандит вздохнул, кинул быстрый взгляд на следователя. – Все рассказал вам, ничего не утаил.

...Оставшись один, Викентий Павлович еще немного посидел в кабинете. Он был сильно озадачен всем услышанным. Станным, очень странным показался ему рассказ арестованного. Мог, конечно, этот Софрон насочинять... Но ка-

кая, однако, нужна фантазия, чтоб вот так, почти с ходу, придумать такую историю! Викентий Павлович был склонен поверить несостоявшемуся убийце. Во-первых, уж очень тот был перепуган: в таком состоянии выговаривают всю подноготную, хотя потом часто жалеют о своей откровенности. Во-вторых... Впрочем, что бы там ни было, проверить рассказ надо. Когда дело дойдет до суда над Софроном Кисляком, ни прокурор, ни присяжные не удовлетворятся фактами, добытыми только из признания обвиняемого. Да, прокурорские работники города дотошны и придирчивы, это Викентий Павлович хорошо знал. «Школа Анатолия Федоровича Кони, – подумал Петрусенко. – Наш ведь земляк. Здесь начинал, здесь первая известность к нему пришла...»

И правда, коренной петербуржец, выходец из интеллигентной литературно-актерской семьи, первую свою прокурорскую должность получил именно здесь, в этом городе. Но он сам избрал свой путь. Когда блестяще окончил юридический факультет Московского университета и получил ученую степень, молодому Кони предсказывали выдающуюся научную карьеру. Но он решил иначе, выбрал практическое дело, суд. И был это совершенно не случайный выбор, не просто желание молодого юриста лучше узнать жизнь. Еще совсем недавно прошла земельная реформа и упразднение крепостного права. В России трудно и непросто, но образовывался иной общественный уклад. В управление, в административную власть городов, губерний, уездов пришли но-

вые люди, и часто – очень активно и демократически настроенные. Вот почему Анатолий Федорович Кони с таким энтузиазмом, без колебаний отказался от профессорской карьеры в университете и начал работать в суде. Ему было только 23 года, когда он стал товарищем прокурора Харьковского окружного суда по Валковскому и Богодуховскому уездам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.